

М.Н. ЛАРЧЕНКО

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ
«ПОЛЬСКИХ» МАСТЕРОВ В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Вторая половина XVII столетия — период, когда русская государственная власть приобретает некоторые черты абсолютизма. Государственный аппарат все больше приспособляется к защите интересов правящего феодального класса в условиях обостряющейся внутренней классовой борьбы и сложной внешнеполитической ситуации в Восточной Европе. В этот период происходит бюрократизация центрального аппарата управления, реформируется армия, старое дворянско-поместное ополчение заменяется полками нового строя. В 50—60-е гг. XVII в. отмечаются новые показатели в численности и составе русского войска, говорящие о том, что в Русском государстве началось создание регулярной армии. Оно завершилось к началу XVIII столетия.

С увеличением численности войска связано оживление и расширение деятельности Оружейного приказа, через который шло снабжение армии оружием. В этот же период быстро расширяется производство оружия в Оружейной палате Московского Кремля. С 1656 по 1661 г. количество мастеров, работавших для Оружейной палаты, увеличивается в три раза и достигает в 1661 г. почти ста человек¹. Кроме них, в Ствольном приказе, функционировавшем под руководством Оружейного, работало еще около ста двадцати пяти оружейников².

Изученные нами большей частью не опубликованные челобитные, грамоты и «росписи мастерам» 50—60-х годов XVII в. свидетельствуют о том, что в Оружейную палату интенсивно набирают мастеров из московских стрельцов, издавна занимавшихся различными промыслами и ремеслами, а также мастеров из многих среднерусских городов³ и большое количество оружейников из городов, расположенных у западных границ государства, — Смоленска, Витебска, Полоцка, Могилева, Быхова, Шклова и Вильно. По документам, хранящимся в Центральном государственном архиве древних актов, нам удалось установить, что всего из этих западных городов в Москву приехало около девяноста оружейников и сотрудничавших с ними ремесленников других специальностей, таких, как токари по кости, столяры, загормистры, кузнецы. Наибольшее количество оружейников выехало из Полоцка и Витебска, почти по тридцать человек из каждого города; по пять — десять мастеров прибыло из Смоленска, Быхова, Могилева и Вильно. Среди них были как опытные оружейники, так и ученики (молодые люди двенадцати - пятнадцати лет), которым предстояло выучиться своему ремеслу.

Следует отметить, что немногие из них стали впоследствии мастерами: из двадцати пяти учеников, значившихся в «росписях мастерам» 1656—1657 гг., в документах 60-х гг. упоминаются как самостоятельно работавшие мастера (правда, низкой квалификации) только трое - четверо. Трое учеников в 1660 г. сразу же по прибытии в Москву были отправлены в Астрахань к местным мастерам для обучения изготовле-

нию булатных клинков и панцирей. Из Оружейной палаты им были даны деньги на проезд, определены плата на время обучения и жалованье мастерам, у которых они должны были учиться⁴.

Мы находим интересные данные о высоких требованиях к мастерам и сведения о том, что, когда профессиональные качества некоторых вновь приехавших в Москву оружейников не соответствовали высоким требованиям, которые предъявлялись к мастерам Оружейной палаты, они увольнялись. Так, получил отставку полоцкий замочный мастер Василий Иванов, делавший плохие замки⁵. Если мы сравним список мастеров, составленный в мае 1661 г., со списком для получения жалованья в 1662 г., то увидим, что шесть оружейников низкой квалификации не вошли в более поздний список и только один был принят вновь⁶. Видимо, к 1662 г. штат вновь прибывших мастеров определился. В этом списке значатся пятьдесят три человека, из которых двадцать три занимались изготовлением огнестрельного оружия, восемь делали ножны и рукоятки для сабель, столько же было мастеров «наводного дела» (исполняли украшения в технике наводки и насечки), пять токарей по кости, два столяра и один «нашивочный» мастер, семь исполняли мелкие работы, в том числе делали стремена.

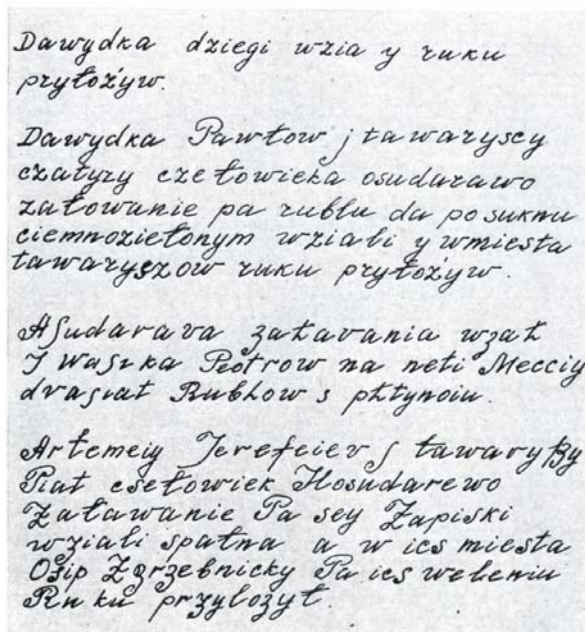
Несмотря на значительную сложность, мы предприняли попытку определения национального состава рассматриваемой группы приезжих оружейников. Шесть мастеров в документах названы «немцами». Имела их - Матис Зоммер (Зубер), Ганс Маер, Петер Ушман, Бартель Кинзман (Бартар Киннеман), Юрий Бой и Радан Фромк - свидетельствуют о немецком происхождении этих оружейников. Почти все они выехали из Вильно. Остальных в документах именуют «иноземцами», «поляками» или «польскими мастерами». Но эти обобщающие названия не отражают подлинного национального происхождения мастеров. Ведь в Русском государстве XVII в. было принято почти всех выходцев из западноевропейских государств называть «немцами», а приезжих из пограничных с Польшей городов - «поляками». Имена же часто изменяли, приближая их к привычному русскому звучанию.

В литературе, касающейся истории оружия, вопрос о группе оружейников, приехавших из западнорусских городов в XVII столетии, никогда специально не рассматривался. В изданиях, посвященных отдельным видам прикладного искусства и архитектуре, некоторые авторы (В.И. Троицкий, Н.Н. Соболев, польский автор И. Иодковский)⁷, следуя за документами XVII в., мастеров, приехавших в Москву из вышеперечисленных городов, называют «поляками», другие (С.В. Бессонов, М.А. Ильин, А.Г. Чиняков)⁸ - «белорусами». Л.С. Абецдарский, исследователь, занимающийся русско-белорусскими связями, причисляет всех Оружейников, мастеров золотого и серебряного дела, резчиков по дереву и гончаров к белорусам⁹.

Сохранившиеся документы позволяют предположить, что большей частью эти мастера были русскими и белорусами, исповедовали православие, а следовательно, имели православные имена, что подтверждается во многих случаях собственноручными расписками мастеров на русском языке о получении денег.

При рассмотрении документов с такой точки зрения удалось выде-

1. Расписки мастеров Оружейной палаты. 60-е гг. XVII в. ЦГАДА

лить помимо русских и белорусов четырнадцать мастеров, несомненно являвшихся поляками. Их имена (Войтех Василий Леонтьев сын, Згжебницкий Осип Яковлев сын, Григорьев Кристоф, Станислав Якуб, Стасюков Григорий) подтверждают польское происхождение. Часть же мастеров, чьи имена звучат по-русски (Иван Петров, Давыд Павлов), оставили расписки, в которых русские слова писаны латиницей (ил. 1). Эти расписки свидетельствуют о том, что их авторам был более привычен и понятен польский язык¹⁰. Их мы также сочли возможным назвать поляками.

Появление в Оружейной палате первых мастеров из западных городов во второй половине XVII в., вероятно, следует отнести к 1656—1657 гг., так как в более ранних документах никаких сведений о них мы не встречаем. В расходной книге 1656 г. под 20 февраля имеется запись о посылке русских оружейников Саввы Борисова и Дмитрия Федорова в Шклов и Могилев для набора золотого и оружейного дела мастеров¹¹. Видимо, эта поездка не была напрасной. Среди челобитных, помеченных следующими, 1657—1658 гг., встречаются и документы, с именами выходцев из Смоленска, Могилева, Витебска, Полоцка, Вильно. А в расходной книге 1658 г. - список на выдачу жалованья двадцати трем «иноземцам-полякам» с пометой о том, что тринадцати человекам жалованье было назначено в 1657 г., а остальным - в 1658 г.¹². Большое количество мастеров приехало в 1660 г. В государевых грамотах воеводам мы находим и подробные сведения об условии выезда оружейников в Москву.

Проявляя заботу о расширении оружейного производства, русское правительство в своих грамотах воеводам, поручая им набор мастеров

в подведомственных городах, подробно оговаривало условия набора. Приглашали на ограниченный срок и на постоянное жительство. Согласившимся приехать на этот срок давали твердое обещание не задерживать после исполнения необходимой работы. Так, в государственной грамоте смоленскому воеводе князю Б.А. Репнину написано: «...А то им (вывозимым в Москву мастерам. - *М.Л.*) велели сказать, как они наши великого государя дело отделают, и мы, великий государь, отпустим их в Смоленск безо всякого мотчанья и задержки. Да и то им, мастером, указали мы, великий государь, вам говорить, чтоб они ехали к нам, великому государю, к Москве з женами и з детьми и на вечное житье. И на нашу б они великого государя милость и на жалованье были надежны. А мы, великий государь, их, мастеров и учеников, пожалуем, велим учинить наше денежное и хлебное жалованье большое»¹³. Как видно из приведенного документа, особенно ценили выезжавших с семьями на «вечное житие», им назначали более высокую оплату.

Отъезжающим на дорогу выдавали деньги, так называемый «поденный корм», подводы или суда и провожатых. Кроме этого, выдавали деньги на «подъем»: мастерам - по десять рублей, ученикам - по пять. Эта сумма выдавалась в два приема - при отъезде из города и по прибытии в столицу. Как правило, бедным, плохо одетым ученикам на дорогу давали шубу, шапку и рукавицы. Перед отъездом воеводы брали с мастеров «поручную запись» - обязательство исполнять определенные условия¹⁴.

В Москве поселяли приезжих мастеров там же, где жили русские оружейники, - в Бронной слободе. Им давали опустевшие дома, ремонт их оплачивало государство. А в ряде случаев выкупали дворы у жителей Бронной слободы, не занимавшихся оружейным производством, оплачивая их стоимость из казны Оружейной палаты, и отдавали приезжим мастерам¹⁵. Такие искусные, или, как их называли, «добрые», оружейники, как Бартар Киннеман, Луговец Иван Никитин сын, Войтех Василий Леонтьев сын, Анисим Игнатьев, Степан Григорьев, в качестве поощрения за приезд в Москву получили награды в виде сукна и тафты¹⁶. Тем, кто не имел инструментов и оснастки, необходимых для работы, выдавали деньги для их приобретения или изготовления¹⁷.

Вновь прибывшим мастерам были назначены годовые оклады в среднем от семи до двадцати рублей; кроме этого, ежемесячно выдавали так называемые «кормовые» деньги, около двух рублей в месяц, и «поденное питье» — четыре чарки вина, две кружки пива и кружку меда. В отличие от них местные оружейники «питья» не получали. Размер годового оклада зависел от уровня квалификации мастера, его художественных способностей и количества производимых изделий - это многократно подчеркивается в документах того времени. Более высокие оклады получали мастера, изготавлившие огнестрельное оружие в законченном виде: в 1661 г. Бартар Киннеман получал двадцать рублей; делавшие пистолеты и карабины Василий Войтех и Ганс Маер - по двенадцать рублей; мастера, исполнявшие мелкую работу и чистившие оружие, - по семь рублей. Лучшие старые мастера тех же специ-

2. Бартар Киннеман. Пищаль и пара пистолетов. 60-е гг.
XVII в. Музеи Кремля

альностей получали от двадцати до тридцати рублей, средней квалификации - одиннадцать - двенадцать рублей, низший оклад русских чистильщиков оружия составлял четыре рубля¹⁸. Видимо, среди вновь прибывших оружейников не было специалистов, достигавших уровня известных русских мастеров Н. Давыдова, Г. Вяткина, В. Титова, чьи годовые оклады составляли двадцать пять - тридцать рублей. Приезжих оружейников низшей квалификации считали необходимым поддерживать более высокими, чем у местных, окладами.

Понимая, что развитие оружейного производства является важным условием существования сильного, независимого государства, правительство платило оружейникам немалые годовые оклады. Приведу для сравнения еще несколько цифр: в войсках полковник солдатского (пешего) строя получал в 1661 г. годовое жалованье двадцать пять—пятьдесят рублей, подполковник - пятнадцать рублей¹⁹. К 1662 г. годовые оклады новым мастерам были повышены: Бартару Киннаману было прибавлено шесть рублей, остальным - по одному рублю.

Своеобразной проверкой профессионализма и художественного мастерства, стимулом к дальнейшему совершенствованию был обычай приносить в Оружейную палату к пасхальному празднику специально приготовленные изделия. За этим следовали в один из дней пасхальной недели прием у государя и награда мастерам за их работу. Размер наградного жалованья зависел от качества и сложности работы. Он мог быть равен всему годовому окладу, а мог составлять только небольшую часть его. Список, составленный в 1661 г. для получения на-

градного жалованья, содержит интересные сведения, в том числе и о новых мастерах. Как нам становится известно из упомянутого списка, пяти оружейникам их изделия (стволы) были возвращены для переделки. Только один карабинный мастер, Петр Мартынов, был особо отмечен как мастер «добрый» (хороший), в награду ему было дано десять рублей; другим же оружейникам его специальности выдано по три — четыре рубля²⁰.

Возглавлявший Оружейную палату Б.М. Хитрово (1655—1680) непосредственно участвовал в определении размера жалованья, а лучшие произведения оружейников представлял царю и по его указу назначал награды. Качеству работы уделялось большое внимание. Способности и мастерство оружейников справедливо оценивались по достоинствам их изделий.

Выпуск оружия регулировался тем, что мастерам давали задания, в которых указывалось количество, технические и конструктивные особенности продукции. На выполнение каждого вида работы было определено время, в которое заставляли укладываться выплатой «поденного корма», делая исключения только в случае болезни мастера. Одновременно с заданием оружейники получали деньги на приобретение необходимых материалов — железа, угля, олова и других. Золото и серебро для украшения оружия, клинки для изготовления к ним ножен и рукоятей выдавали из казны Оружейной палаты²¹.

Из документов известно, что в 50—60-х гг. интересующие нас оружейники занимались выпуском нарезных стволов и замков к ним; наиболее квалифицированные делали целые пищали, карабины и пистолеты. В собрании Оружейной палаты сохранились подписанные пистолеты и пищали Бартара Киннемана (ил. 2)²².

Сабельные мастера, или, как их называли, «сабельные придельщики», так как они не изготавливали клинков, делали ножны и рукоятки с медными, а иногда железными с насечкой оправами, загормистры — резные стремяна. Токари по кости поставляли пороховницы. Большая группа мастеров «наводного дела», их было около десяти, делали сами

3. Наручь. Мастерские
Оружейной палаты
Московского Кремля.
60-е гг. XVII в.
Музеи Кремля

4. Топорик. Мастерские
Оружейной палаты
Московского Кремля.
60-е гг. XVII в.
Музеи Кремля

или украшали уже готовые наручи (ил. 3), зеркала, шестоперы, топорики. В Описи Оружейной палаты, изданной в 1884—1886 гг., мы находим несколько предметов, которые приписываются подготовившим Опись к публикации Л.П. Яковлевым так называемым «польским» мастерам²³. Это пластина от щита, скорее, от зеркального доспеха, работы Моисея Бобылева, приехавшего из Быхова в 1660 г., и Ивана Килтыкеева, появившегося в Москве тремя годами ранее²⁴, два маленьких шестопера, которые по краткому описанию содержащемуся в одной из «памятей» 1661 г., можем предположительно отнести к работам Саввы Емельянова и Романа Сарасекова²⁵, а также топорик, который автор Описи определил как произведение «могилевского дела» (ил. 4)²⁶.

В настоящее время известно всего несколько образцов работы рассматриваемых нами оружейников, но думается, что у нас есть пути для определения их изделий в дальнейшем, так как в собрании Оружейной палаты сохранилась значительная группа вещей, стилистически близких к этим образцам.

Изложенный материал свидетельствует о том, что русское правительство в конце 50-х — начале 60-х гг. XVII в., в период ведения военных действий с Польшей и Швецией, предпринимало усилия для увеличения производства оружия в Москве. На это затрачивались большие материальные средства, значительно увеличивался штат оружей-

ников, находившихся в ведении Оружейного приказа. Мастера, прибывшие в эти годы из западных русских городов, большей частью русские и белорусы, явились крупным пополнением рядов московских оружейников и оставили заметный след в оружейном производстве этого времени.

¹ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 5, д. 5653, л. 11—12; оп. 1, ч. 6, д. 7596.

² Там же, ч. 6, д. 7665.

³ Там же, ч. 5, д. 5670, 5916, 5921, 5949, 6393.

⁴ Там же, ч. 6, д. 6965, л. 4; д. 7021; д. 7030.

⁵ Там же, д. 7596, л. 7.

⁶ Там же, ч. 7, д. 7764.

⁷ См.: Троицкий В.И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Вып. 1, 2. М., 1928—1930; Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М., 1934; Iodkowski I. Artysci Polacy na dworze moskiewskim w XVII wieku. — "Problemy", 1946, N 5.

⁸ См.: Бессоноў С.В. Беларуска мастацкія майстры ў Маскве XVII стагоддзя. — «Весці Акад. навук БССР», 1947, № 1; Очерки истории СССР. XVIII в., первая четверть. М., 1954; Чиняков А.Г. Архитектурные памятники Измайлова. — В кн.: Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1932.

⁹ См.: Абецедарский Л.С. Белорусы в Москве XVII в. Минск, 1957; Его же. Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570—1667 гг.). Минск, 1963.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 6, д. 7706, л. 10; Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи, № 458.

¹¹ См.: Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи, № 347.

¹² См. там же, № 381.

¹³ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 6, д. 6685.

¹⁴ См.: Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи, № 400; ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 4, д. 4630, л. 1—12; ч. 6, д. 6685, л. 1—3; д. 6965, л. 1—7.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 6, д. 6653, л. 1—9; д. 6859; д. 6971; Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи, № 393.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 6, д. 6677, л. 1—6.

¹⁷ См.: Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи, № 393.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 6, д. 7596, л. 1—15.

¹⁹ См.: Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII в. М., 1954, с. 124.

²⁰ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, д. 7764, л. 1—10.

²¹ См.: Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи, № 382, 383.

²² Пищаль (Музеи Кремля, инв. № ОР-1965, дл. общ. 1160 мм, дл. ств. 885 мм, калибр 10 мм, нарезы 6 шт.), пара пистолетов (Музеи Кремля, инв. № ОР-2570, дл. общ. 715 мм, дл. ств. 550 мм, калибр 13 мм; Музеи Кремля, инв. № ОР-2571, дл. общ. 720 мм, дл. ств. 550 мм, калибр 11 мм).

²³ См.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. М., 1884; ч. 4. Кн. 3. М., 1885.

²⁴ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 6, д. 7239.

²⁵ Там же, д. 7706, л. 72—73.

²⁶ Пластина от щита (Музеи Кремля, инв. № ОР-1622, дм. 205 мм), наручь (Музеи Кремля, инв. № ОР-4141, дл. 300 мм), шестоперы (Музеи Кремля, инв. № ОР-968, дл. 400 мм; Музеи Кремля, инв. № ОР-969, дл. 380 мм), топорик (Музеи Кремля, инв. № ОР-3818, дл. 651 мм).